

УДК 327
ББК Ф4(4),60

ГСНТИ 11.25.43; 16.21.27

Код ВАК 23.00.04

О. А. Лисий

Санкт-Петербург, Россия

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Европейского союза)

Аннотация. Европейский Союз стал первым наднациональным актором международных отношений, предпринявшим попытку сформировать полноценную внешнюю политику. Одной из главных проблем на пути реализации этой большой цели является существование у каждого из 27 государств-членов собственного внешнеполитического курса, опирающегося на национальные интересы, в основе которых лежат национальные идентичности. Цель работы — выявление механизмов формирования общей идентичности Европейского союза через дискурс о возможном членстве Турции в ЕС.

Ключевые слова: идентичность; Европейский союз; общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ); вступление Турции в Европейский союз.

Сведения об авторе: Лисий Олеся Александровна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд.
e-mail: olesya_lis@mail.ru.

O. A. Lisiy

Saint-Petersburg, Russia

FOREIGN POLICY AS A TOOL FOR IDENTITY CONSTRUCTION (the case of Turkey-European Union relations)

Abstract. The European Union has become the first supranational actor of the international relations that attempted to set a comprehensive foreign policy. One of the main challenges for the realization of this major purpose is the fact that each of its 27 member states has its own foreign policy course, based on its national interests centered upon the national identities. The purpose of this paper is to identify the mechanism for the formation of a common EU identity through the discourse of a possible accession of Turkey to the European Union.

Key words: identity; European Union; Common Foreign and Security Policy (CFSP); accession of Turkey to the European Union.

About the author: Lisiy Olesya Alexandrovna, Post-graduate Student of the Chair of Theory and History of International Relations of the School of International Relations.

Place of employment: St. Petersburg State University.

С усилением роли и политического влияния Европейского союза на международной арене всё настойчивее поднимаются вопросы о европейской идентичности. Подкрепляемая ростом интеграции и расширением ЕС, а также разработкой Конституционного, а затем Лиссабонского договоров, проблема определения европейской идентичности становится такой же важной, как, например, вопросы экономического или политического функционирования Европейского союза.

Безусловно, важное место в ряду работ по национальной идентичности занимает книга Ивэра Нойманна [Нойманн 2004], который развил и утвердил мысль о Востоке как Другом Европы, известную еще по публикации Эдварда Саида [Саид 2005]. Приводя аргументы в пользу вышеобозначенного тезиса, Саид анализирует в основном исторические работы и в значительно меньшей степени — исторические примеры. Нойманн сам называет в качестве недостатка своей работы концентрацию на предпосылках деятельности и редкое обращение к самой деятельности [Нойманн 2004: 17—18]. В настоящей статье предпринята попытка при помощи дискурс-исторического подхода —

одного из направлений критического анализа дискурса — показать деятельность по конструированию идентичности Европейского союза на примере современных отношений с Турцией в рамках политики расширения.

Используя терминологию А. Вендта, можно отметить, что Европейский союз является хорошей иллюстрацией процесса формирования коллективной идентичности в международных отношениях, в рамках которой государства начинают видеть друг в друге скорее дополнение себя, чем проявление Другого. Осознание этого факта нашло отражение в исследованиях, которые определяют Европейский союз как особый новый тип актора со своим специфичным способом существования и проявления в международных отношениях. Помимо ставшей классической идеи Европы как гражданской силы, предложенной Франсуа Дюшэном, в последние годы появилось множество концепций подобного типа. Наиболее влиятельной среди них является теория Европы как нормативной силы Иана Мэннерса. (Среди других концепций назовем, например, идеи Европы как «кантовской власти» [Kagan 2003], «кооперативной империи» [Cooper 2002], «кос-

мополитического сообщества» [Habermas 2003; Beck 2003], «исчезающего посредника» [Balibar 2003] и т. д.)

По Иану Мэннерсу, нормативная сила — это такая сила, которая «способна формировать представления о „нормальном“» [Manners 2002: 239]. Она не является ни чисто военной, ни чисто экономической, но осуществляется посредством распространения идей и мнений. Следовательно, мы можем идентифицировать нормативную силу по тому влиянию, которое она оказывает на формирование такого поведения других акторов, которое они считают наиболее подходящим для себя. Продвижение норм должно, по Иану Мэннерсу, основываться на убеждении, а не на принуждении, а последствия их применения — согласовываться с принципом «не навреди» применительно к партнеру, в отношении которого проводится внешняя политика. Томас Диц, разделяющий идеи концепции Европы как нормативной силы в части, касающейся появления в лице ЕС нового актора международных отношений, ведущего к преобразованию установившихся правил межгосударственного взаимодействия, последовательно и, на наш взгляд, довольно успешно критикует идеи Иана Мэннерса относительно нормативности как руководящего принципа внешнеполитического действия Европейского союза. Согласно Т. Дицу, «обращение к нормативной силе предполагает существование набора неоспоримых европейских (ЕС) норм и ценностей как продолжения определенной европейской (ЕС) идентичности, но нормативная сила не содержит в себе ни того, ни другого» [Diez 2006: 244]. Немецкий исследователь называет это явление «парадоксом нормативной силы» и объясняет его двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что европейские ценности и идентичность, являющиеся необходимым условием для эффективного действия нормативной силы, конструируются через противопоставление их ценностям и идентичности европейского Другого. Таким образом, ЕС предстает носителем неких нормативных стандартов, в то время как Другие — отклоняющимися от таких стандартов, а значит, нуждающимися в переменах. Этот процесс воссоздания Другого Европы лежит в основе разграничения ЕС и не-ЕС. Проведение этой границы само по себе не подразумевает необходимости каких-либо изменений, однако если они случаются, то выражаются либо в форме географического переноса границы, как это происходит в случае расширения ЕС, либо в форме трансформации европейских (ЕС) ценностей. Второе обстоятельство, лежащее в

основе парадокса нормативной силы Т. Дица, связано с заявлениями ЕС об универсальном характере тех норм, носителем которых он является, хотя в то же самое время эти нормы позиционируются как **европейские**, чем закладывается основа для различия между ЕС и европейскими Другими. Таким образом, понятие нормативной силы Европы не является объективной категорией, а представляет собой одну из практик дискурсивной репрезентации.

Переходя к практической части статьи, отметим, что в связи с обширностью поля анализа мы решили остановиться на одной из наиболее значительных тем: конструирование Европейского союза как географического, культурного и исторического пространства.

Несмотря на то, что в материалах прессы, в общественном мнении и даже в интервью руководителей некоторых государств — членов Европейского союза в связи с возможным членством Турции в ЕС нередко возникали вопросы о географических границах Европы, высшие европейские чиновники в своих речах успешно обходили стороной тему «географического измерения» отношений Турции и ЕС. Что касается интервью, то, отвечая на вопросы журналистов о границах Европы, а значит, о пределах расширения ЕС, европейские чиновники старались перевести разговор на текущее положение вещей: «Невозможно говорить с уверенностью, где Европа начинается и где она заканчивается. Реальность такова, что две страны, Болгария и Румыния, с которыми переговоры о вступлении продвинулись достаточно далеко, желают присоединиться к Союзу в 2007 году. Решение о начале переговорного процесса с Турцией, которая также подала заявку на членство, может быть принято в конце этого года, если Турция будет удовлетворять нашим политическим критериям» [BBC Summary of World Broadcasts... 2004]; «Одним из решений, принятых на прошлой неделе Европейским Советом, стало решение о консолидации повестки дня по расширению ЕС с тем, чтобы она включала в себя Юго-Восточную Европу. В 2004 году мы объединили Восточную Европу с Западной, присоединив страны ЦВЕ к ЕС... Наша следующая задача — объединить Юго-Восточную Европу и Европейский союз за счет ее интеграции в ЕС. Эта работа ведется сейчас, эта работа находится в стадии выполнения, а консолидированная повестка дня по расширению включает Турцию и западнобалканские страны» [Global Leaders... 2007].

Таким образом, хотя европейские чиновники и не говорят о конкретных пределах

Европы, она конструируется в дискурсе как географически определенное пространство, обладающее вместе с тем подвижными границами, особенно в восточной своей части. При этом нужно принимать в расчет и то, что лидеры ЕС учитывают и используют в формировании дискурса такой фактор, как распределение стран по континентам, что особенно показательно в отношении южной границы ЕС. Последнее подтверждается не только самим фактом отклонения в 1987 г. заявки Марокко на членство в ЕС, обоснованного тем, что страна не является «европейской», но и частой отсылкой к этому факту в выступлениях лидеров ЕС, в том числе и по вопросу вступления Турции. Упоминание случая Марокко, заявку которого не приняли к рассмотрению, в речах, касающихся вопросов членства Турции [см., напр.: Federal News Service... 2004], которой в итоге был присвоен статус страны-кандидата, представляет собой референтную стратегию, призванную продемонстрировать включение Турции в пространство Европы, что служит позитивной самопрезентации Союза как объединения, оценивающего каждую страну-кандидата справедливо и в соответствии с одними и теми же критериями, изложенными в Договоре о Европейском союзе.

Стоит отметить также следующее: с одной стороны, дискурс о Европе как географическом пространстве выстраивается таким образом, чтобы не разрушить уверенности европейских стран, пока не являющихся членами ЕС, в том, что у них всегда есть возможность подать заявку на членство и при выполнении предъявляемых ЕС условий быть принятыми в Союз, с другой — и это становится особенно ощутимым по мере нарастания кризиса внутри ЕС после пятого расширения — лидеры говорят о необходимости определиться с ориентацией хода расширения и сосредоточения его на одном направлении — Западных Балканах и Турции. Последнее положение хорошо иллюстрирует второй отрывок, приведенный выше и являющийся выдержкой из интервью с Олли Реном, благодаря которому, после занятия им поста еврокомиссара по вопросам расширения в ноябре 2004 г., эта идея стала доминирующим нарративом в данном направлении развития дискурса.

Дискурсивные практики, конструирующие Европу как географическое пространство, часто совмещаются с практиками конструирования Европы как исторического и культурного пространства: «Границы Европы являются скорее ментальными, чем географическими; важно то, что у нас есть ясное представление о наших целях... перспекти-

ва расширения до Западных Балкан отсылает нас к истокам европейской мечты, связанной прежде всего с тем, чтобы воплотить старую цель: „Нет войне в Европе“» [Elargir l'Europe... 2005].

Тема объединения общих усилий в прошлом с целью недопущения войн в будущем наиболее востребована в дискурсе о Европе как историческом пространстве, если говорить о ссылках на общее прошлое. Ее применение помогает утвердить еще один критерий включения Турции в европейское пространство: разрешение всех противоречий со странами ЕС, исключение потенциальной возможности перерастания разногласий в вооруженный конфликт. Для Турции, судя по выступлениям лидеров ЕС, главным усилием в этом направлении должно стать участие в решении кипрской проблемы. Интересно отметить, что если в выступлениях бывших комиссаров по вопросам расширения, Гюнтера Ферхойгена и Олли Рена, окончательное урегулирование на Кипре называлось «важным», «критическим», «влекущим значительные выгоды», играющим роль «катализатора» в процессе присоединения Турции к ЕС и т. п., то Штефан Филе, занявший пост комиссара по расширению в феврале 2010 г., указывает на конкретные негативные последствия, вызванные нерешенностью этой проблемы — замороженные главы переговорного процесса. Более того, если в речах предыдущих комиссаров проблема Кипра не выделялась в ряду других проблемных моментов, касающихся переговорного процесса с Турцией, при безусловном доминировании разговоров о необходимости реформирования страны в соответствии со стандартами ЕС, то в выступлениях Штефана Филе пассажи о необходимости решения кипрского вопроса идут сразу вслед за призывами к дальнейшему реформированию турецкого законодательства. Таким образом, наблюдается тенденция к повышению роли вопроса об урегулировании кипрского конфликта в переговорах о вступлении Турции. Дискурс теперь формируется таким образом, что решение кипрского вопроса ставится в один ряд с вопросами реформирования Турции.

Помимо обращения к теме объединения Европы с целью недопущения войн при конструировании ее как исторического пространства свою роль играют также ссылки на слова и идеи отцов-основателей Союза — Р. Шумана и Ж. Моне — либо европейских политиков, внесших значительный вклад в дело европейской интеграции, таких, как Ж. Делор. Стоит отметить, однако, что обращения к прошлому являются единичными

фактами, а не регулярным явлением. Исключения составляют лишь напоминания о ключевых моментах истории отношений между Европейским союзом и Турцией, которые появляются либо для того, чтобы вписать знаковое событие их взаимоотношений в общую историю, либо для напоминания о взаимных обязательствах. Хорошей иллюстрацией первому положению могут служить выступления, связанные с открытием переговоров с Турцией [см., напр.: EU and Turkey together... 2005], второму — упоминания Анкарского протокола и необходимости его соблюдения, когда разговор заходит о роли Кипра в отношениях Турции и ЕС [см., напр.: Accession negotiations with Turkey... 2006].

На фоне немногочисленности отсылок к общему прошлому ЕС в выступлениях его лидеров четко прослеживается ориентация на общее будущее, подтверждающая тезис П. Йозенниэми [Joenniemi 2007: 128] о том, что при конструировании временного измерения идентичности ЕС произошла смена ориентаций — с желания избежать возвращения к неприятному прошлому, главной угрозой которого принято считать войну в Европе, на попытки предугадать и предупредить возможные угрозы будущего: «Европейский проект направлен в будущее. Следовательно, смотреть в будущее — легитимное право и долг политических лидеров молодого поколения... Мы больше не живем в Европе холодной войны, но живем в Европе XXI века, которая хорошо сознает, что отношения с мусульманским миром являются одним из главных вызовов для нее. Если Турция преуспеет в процессе реформирования и, таким образом, удовлетворит критериям членства после переговоров, Европа станет перекрестком двух цивилизаций. Это отличная возможность для Европы... Я хочу быть уверенным в том, что эта возможность не будет упущена» [Common future... 2005].

В этом отрывке также четко прочитывается позитивная самопрезентация Европы как пространства, нацеленного на объединение и диалог, а не на военное противостояние, мысли о котором должны приходить на ум при напоминании о холодной войне. В то же время такие обороты, как «отношения с мусульманским миром», именуемые «вызовом», и «перекресток двух цивилизаций» для характеристики Европы после возможного вступления Турции, дают четко понять, что Турция является чуждым Европе элементом. Эту чуждость, если ее рассматривать в связи с формированием идентичности Европы/ЕС, в данном контексте можно увязать с тем, что возможное вступление Тур-

ции в ЕС ставит вопросы не только о географическом распространении Европы, но и более важные — о смысловом наполнении европейского проекта как такового. Такой тип отношений между ЕС как внутренним и Турцией как внешним по классификации Б. Румелили [Rumelili 2004: 37] можно определить как идентичность, построенную на исключении, поскольку традиционное убеждение, что европейское культурное единство покоится на разделяемом всеми странами-членами греко-романо-христианском наследии, хотя и не выражается эксплицитно ни в одном из использованных в данном исследовании источников, согласно Крису Шору, всегда существовало в Европе как эссенциалистский миф [Debating the European Union 2004: 12], к которому Турция не имела никакого отношения. В такой ситуации требовалось введение нового нарратива, одной из попыток конструирования которого стали ссылки на общие европейские интересы: «В очередной раз 15 глав государств единодушно решили: они считают, что такая мусульманская страна, как Турция, может стать членом ЕС. Я предостерегаю от религиозно-географических границ, таких, как „Европа кончается там, где кончаются готические соборы“. Где же тогда находятся ранние христианские святыни? Вполне однозначно — на турецкой земле. Равно как и ужасная история прошлого, выкованная огнем и мечом, приведет нас в никуда, если не задуматься о цивилизаторской роли мусульман в Испании. Однако решающее значение имеет не история, а наши сегодняшние европейские интересы» [Verheugen-Interview... 2003].

Отрывок демонстрирует позитивную самопрезентацию ЕС, достигаемую путем отрицания исключения Турции из-за принадлежности ее граждан к иной религии. Однако в этом отрицании исключения скрыта существенная деталь, на которую необходимо обратить внимание. Турция здесь не характеризуется как часть Европы в ее (конструируемой) историчности, скорее она предстает важным элементом культурного влияния на Европу. Об этом свидетельствует предикат «цивилизаторская роль», применяемый для характеристики влияния, которое оказывали мусульманские государства на те народы, которые сейчас являются частью единой Европы.

Таким образом, посредством дискурса, поднимающего вопросы возможного членства Турции в ЕС, происходит конструирование Европейского союза как географически определенного, хотя и допускающего подвижность своих границ пространства, объединенного общей историей, но подчеркнуто

ориентированного на активное участие своих членов в совместном будущем и основанного на понимании общности культурной принадлежности своих членов к греко-романо-христианскому наследию, которая, однако, находится в стадии пересмотра. В данной статье мы выделили в качестве характеристик, по которым выстраиваются границы между европейским «Мы» и «Другим», географические, культурные и исторические. Из всех этих характеристик только одна — географическая принадлежность к Европе — относится к категории неизменных и, таким образом, может использоваться для формирования европейской идентичности по исключительному типу. Всеми остальными характеристиками можно пренебречь ради создания условий включения в европейскую идентичность, чем и пользовался ЕС, позиционируя себя в качестве нормативной силы. Проявления претензии на нормативность действий ЕС можно наблюдать, например, в факте выдвижения перед Турцией ряда условий, необходимых к выполнению для получения сначала официального статуса страны — кандидата в члены, а затем для одобрения начала переговорного процесса по вопросам членства в ЕС.

Безусловно, более интересным примером в контексте теоретических посылок статьи были бы взаимоотношения ЕС и России — самого большого и значимого соседа Европейского союза. Однако следует принять во внимание, что наша страна совсем недавно по историческим меркам утратила статус сверхдержавы и вряд ли быстро согласится сменить память о нем на положение «младшего партнера» государств, входящих в ЕС, поэтому подобное исследование стоит проводить с учетом также дискурса России. Обозначенная тема заслуживает более пристального внимания и глубокого анализа, для чего, на взгляд автора, целесообразно предпринять отдельное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М. : Новое издательство, 2004.
2. Саид Э. Ориентализм. — СПб.: Русский мир, 2005.
3. “Common future of the EU and Turkey: Roadmap for Reforms and Negotiations”. Meeting with business leaders (Istanbul). March 8, 2005. Speech by Olli Rehn // European Union @ United Nations : [official website]. URL: http://www.europa-eu-un.org/articles/en/article_4426_en.htm (дата обращения: 15.12.2011).
4. “EU and Turkey together on the same journey” : Speech by Olli Rehn. Erciyes Univ., Kayseri, Turkey. 2005. 7 Oct. // European Union @ United Nations : [official website]. URL: http://www.europa-eu-un.org/articles/en/article_5110_en.htm (дата обращения: 15.12.2011).
5. “The European Union as a Global Actor?” : Speech by Olli Rehn to the Bucerius (Die Zeit Summer School, Die Zeit Foundation. Hamburg, 9 Aug. 2005) // European Union : [official website]. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/05/465&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=ru> (режим доступа: 15.10.2011).
6. Accession negotiations with Turkey: Transcript of the press conference by EU Enlargement Commissioner Rehn. 2006. 29 Nov. // European Union & United Nations : [official website]. URL: http://www.europa-eu-un.org/articles/en/article_6539_en.htm (дата обращения: 15.12.2011).
7. Balibar E. Europe: Vanishing Mediator // Constellations. 2003. Vol. 10, № 3. P. 312—338.
8. BBC Summary of World Broadcasts. May 4, 2004. EU not expecting major immigration with enlargement. SOURCE: Miriam Hollstein, Waltraud Kaserer, Guenther Lachmann interview by German newspaper Welt am Sonntag web site on 2 May entitled “How far can Europe go, Mr Prodi? The EU boss on scepticism on enlargement and migration concerns” // LexisNexis Academic : electronic text data. URL: <http://academic.lexisnexis.eu> (дата обращения: 15.12.2011).
9. BBC Summary of World Broadcasts. October 4, 2004. EU foreign policy chief on advantages of Turkey’s EU membership. SOURCE: Bild, Hamburg, in German 2 Oct. 04. P. 2. // LexisNexis Academic : electronic text data. URL: <http://academic.lexisnexis.eu> (дата обращения: 15.12.2011).
10. Beck Ul. Understanding the real Europe // Dissent. 2003. Sum. P. 32—38.
11. Cooper R. The Post-Modern State and World Order. — L. : Demos, 2002.
12. Debating the European Union: An Interview with Cris Shore and Mark Abeles // Anthropology Today. 2004. Vol. 20, № 2.
13. Diez T. Constructing the self and changing others: problematising the concept of ‘Normative Power Europe’ // Millennium : Journ. of International Studies. 2005. Vol. 33, № 3. P. 613—636.
14. Diez T. Europe’s Others and the return of geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. 2004. Vol. 17, № 2. P. 319—335.
15. Diez T. The Paradoxes of Europe’s Borders // Comparative European Politics. 2006. Vol. 4.
16. Elargir l’Europe c’est élargir une zone de paix / interview avec Olli Rehn // Les Echos. 2005. 17 mai. P. 10.
17. Federal News Service. March 15, 2004 : Interview with Romano Prodi, President of the European Commission. SOURCE: AL-ALAM, 14:15 (GMT+2), Mar. 14, 2004 : [electronic resource] // LexisNexis Academic. URL: <http://academic.lexisnexis.eu> (дата обращения: 15.10.2011).
18. Global Leaders : interview with Olli Rehn. 10.01.2007 // TV program Global Leaders : [official website]. URL: http://www.dunyayiyonetmenler.org/en/archive/olli_rehn.asp (дата обращения: 15.10.2011).
19. Habermas J. Toward a Cosmopolitan Europe // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14, № 4. P. 86—100.
20. Interview with European Commissioner for Enlar-

gement Gunter Verheugen // Europe. 2000. June. P. 19.

21. Joenniemi P. Towards a European Union of Post-Security? // Cooperation and conflict. 2007. Vol. 42, № 1.

22. Kagan R. Paradise and Power: American and Europe in the New World Order. — N. Y. : Alfred A. Knopf, 2003.

23. *Manners Ian* Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, № 2.

24. *Methods* for critical discourse analysis / ed. by Ruth Wodak & Michael Meyer. — L. : SAGE Publ. Ltd, 2009.

25. Rumelili B. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of

Differentiation // Review of International Studies. 2004. Vol. 30.

26. *Speech* by Romano Prodi President of the European Commission Official visit in Turkey Turkish Grand National Assembly Ankara, 15 January 2004 // European Union : [official website]. URL: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SP_EECH/04/16&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en (дата обращения: 15.10.2011).

27. *Verheugen-Interview* "Wer Gesinnungshäftlinge hält, ist kein EU-Land". 2003. 04.11 // Spiegel Online : [offizielle Website]. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,272482,00.html> (дата обращения: 15.10.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук С. М. Виноградова